

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

СХРОН
ПОД ЛАВИНОЙ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Схрон под лавиной

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Схрон под лавиной / С. В. Самаров — «Автор»,
2014 — (Спецназ ГРУ)

В ходе крупномасштабной спецоперации силами спецназа ГРУ была уничтожена банда эмира Далгата Гаримханова. Самому эмиру удалось скрыться, и на его поиски был отправлен отряд опытных и проверенных бойцов во главе со старшим сержантом Славой Чухонцевым. Отряд был высоко в горах, когда неожиданно начался сход лавины. Славу снесло снежным потоком, он провалился в пещеру, а когда пришел в себя и попытался найти выход, вдруг встретился лицом к лицу с тем, кого искал. Пещера оказалась тайным убежищем Гаримханова...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	17
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Самаров

Схрон под лавиной

© Самаров С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Банда, как таковая, была уже, по сути дела, уничтожена. Сначала их было семь человек – опасных, агрессивных, дерзких. Пятеро уже никогда не поднимут оружие. Их убили, и они лежали на снегу, оскалив острые белые зубы, и остекленевшими глазами смотрели на выцветшее небо. Старший сержант контрактной службы, заместитель командира взвода спецназа ГРУ Слава Чухонцев заглянул в лицо каждому из пятерых. Именно глаза лучше всего показывали, жив человек или уже перешел в мир иной. По глазам многое можно определить. Бывает, у человека и дыхания не слышно, и сердце не бьется, а глаза еще живые. Значит, и сам он еще живой, и может выкарабкаться, если будет за жизнь цепляться. Оттуда, изнутри цепляться за то, что снаружи. Такое тоже, оказывается, возможно. А вот если глаза остекленели, если нет реакции на свет, значит, человек уже никогда к жизни не вернется. У этих пятерых реакции не было. Их пока даже не обыскивали, так и оставив лежать на снегу на склоне хребта. Не до того сразу было. Ведь остались еще двое, которых необходимо было найти и уничтожить. Главное – найти. Это самое сложное. За уничтожением дело не станет. И командир взвода старший лейтенант Шахамурзиев повел взвод в обход, через перевал, на другую сторону хребта, потому что на этой стороне бандитам некуда было деться, а их не видно. Даже следов на снегу нет. Вот и предположил старший лейтенант, что эмир Гаримханов с последним оставшимся у него бандитом ушли на другую сторону хребта по каменному языку, готовому сорваться, превращаясь в камнепад, и снести своей лютой мощью половину склона. Эмир решил рискнуть и пройти там, куда человек, имеющий выбор, никогда не пойдет. А выбор у Гаримханова был – или погибнуть от пуль спецназа, или погибнуть в камнепаде. Но последний вариант давал еще надежду на жизнь, и она, видимо, воплотилась. Так, по крайней мере, посчитал командир взвода. А у Шахамурзиева такой острой необходимости идти по каменному языку не было, все равно эмир никуда не денется. Выход из этого ущелья существует только один, и он перекрыт. Поэтому старший лейтенант не захотел собой и своими людьми рисковать и отошел к перевалу, чтобы второй склон проверить. Но все же оставил на месте заслон из трех бойцов – старшего сержанта Чухонцева и двух солдат. Вдруг эмир из-за какого-то камня поднимется и двинет к выходу? При существовании заслона далеко не пройдет. На Чухонцева командир взвода всегда мог положиться. Старший лейтенант только что вернулся из отпуска, ездил в родную деревню под Казанью, и во время его отсутствия Чухонцев исполнял обязанности командира взвода. Правда, тогда взвод находился на бригадной базе и проводил только учебные занятия, но с должностью, доставшейся ему всего-то на месяц, старший сержант справился, взвод ни в чем не отстал от других взводов. Шахамурзиев был доволен. Надеялся он на старшего сержанта и в боевой командировке на Северный Кавказ. В первый же день по прибытии, не успев устроиться в казарме на новом месте, взвод спецназа был отправлен на боевую операцию, и в первом же бою уничтожил пятерых бандитов, и намеревался поймать еще двоих. Такие действия считались успешными.

Слава Чухонцев с парой солдат засел за двумя валунами над старой протоптанной бандитами в снегу тропой. Пространство перед собой контролировали попеременно, по одному, иначе нельзя. Долго на снежный покров смотришь, и наступает «снежная слепота» – некоторое время потом вообще ничего не видишь. И потому обходились парой минут наблюдения, после чего менялись. Когда пришел черед дежурить на посту Славе, ему показалось, что один из убитых бандитов пошевелил ногой. Лежал бандит на крутом склоне головой вниз и будто бы подтолкнул себя ногой, чтобы ниже съехать. Может, показалось, а может, бандит действительно был еще жив. И старший сержант, отдав распоряжение солдатам о подстраховке, решил проверить. Он подошел к труп и посветил фонариком в раскрытые глаза. Реакции зрачка не было. Слава подумал, что ошибся, не к тому подошел, и начал осматривать остальных. Все пятеро на самом деле были мертвы. В обратный путь Слава пошел не к камням, за которыми сидели сол-

даты, а вверх, чтобы до тропы добраться, а потом уже по ней дойти до нужного места. И когда одна нога уже встала на тропу, он вдруг услышал медленно и величаво нарастающий шум. Слава сразу понял, что это такое, и инстинктивно совершил прыжок под крепкую с виду скалу. А сверху все расширяющейся полосой скатывалась снежная лавина. Старший сержант едва успел, но все же успел, иначе его сбило бы уже с ног разогнавшимся тяжелым потоком мокрого снега, закрутило бы, завертело, связало бы неведомой природной силой руки и ноги, вырвало бы оружие и самого закувыркало бы, унося на дно ущелья, где затаилась в ожидании смерть. Но скала, под которой он спрятался, имела покатуя вершину, по которой снежная лавина скатывалась, создавая снегопад на манер водопада, и скала шаталась, готовая вырваться из склона. Если уж каменная скала не в силах сопротивляться лавине, что же говорить о человеке!

А скала начала уже выворачиваться из земли. Она могла бы своей многотонной массой придавить старшего сержанта и уничтожить еще до того, как его уничтожит лавина. Чухонцев на четвереньках, но быстро отполз за большой валун, глубоко ушедший своим основанием в склон. И хотя валун плохо прикрывал от снега из-за своей не слишком великой высоты, он все же не катился. А скала вдруг вывалилась из почвы прямо на глазах у Славы и, развалившись на ходу, полетела вниз вместе с потоком снега. Смотреть на это было жутко. Но что произошло дальше, Чухонцев даже не понял. Он надеялся, что беда миновала его, прокатившись всей мощью рядом, но тут его тоже куда-то потащило, понесло, перевернуло и ударило. А потом все неожиданно стихло. Отшумев, лавина сошла и уже не представляла угрозы. А вокруг была темнота. Старший сержант так и не смог сразу понять, где он оказался. Но автомат из рук не выпустил и фонарик при падении не потерял. Вытащил его из глубокого кармана «разгрузки», посветил в одну, в другую сторону, вверх, вниз и увидел, что провалился в какую-то пещеру. Когда из склона вывернуло скалу, пещера открылась, и Чухонцев сразу провалился в нее. А дыру за считанные секунды залепило снежным потоком. Наверное, и удар был, хотя его он не почувствовал, может быть, сознание на какое-то время потерял. А когда пришел в себя, понял, что лежит на том самом валуне, за который прятался. Валун и провалился под ударом снега.

Положение было серьезным, хотя не таким трагичным, как попадание в саму лавину, и Слава, всегда склонный к спокойному логическому размышлению, перекрестившись, сказал себе: «Ведь для чего-то Господь оставил меня в живых! Надо понять для чего...»

Он не был рьяно верующим христианином, более того, даже молился не регулярно, а только тогда, когда ему что-то требовалось, когда без помощи Бога, как думалось, обойтись не мог. Впрочем, так поступает большинство людей, которые называют себя христианами.

Но в этот раз сомнений у старшего сержанта не было. Только Господь мог сберечь его, когда до лавины оставалось не более полуметра. И, чтобы понять, для чего Господь оставил его в живых, Чухонцев полез к выходу, где виднелся снег. Хотелось света. Не этого ничтожного и слабого света фонарика, а настоящего, солнечного, от которого глаза режет. Снежное пятно было небольшое, от силы полтора метра в диаметре. Старший сержант пытался пробить снег стволом автомата, но это оказалось бесполезным занятием. Лавина может создать пробку толщиной в несколько метров. Разве такую пробьешь! Значит, следует искать другой выход...

Это надо же такому случиться, что спецназ пришел в ущелье тогда, когда Далгат Аристотелевич Гаримханов был, что называется, не у дел. То есть был совершенно не способен осуществлять командование своим джамаатом, измученный сильнейшим приступом геморроя, который не проходил уже третий день. И только усилием воли эмир заставил себя встать на ноги и принять участие в бою.

Все три последних дня Далгат Аристотелевич спасался только тем, что подолгу беседовал с Гериханом Довтмирзаевым, своим пожилым пулеметчиком. Гаримханов давно уже заметил, что умеющий сочувствовать чужой боли Герихан своими словами всегда приносил ему облег-

чение. И даже не обязательно словами, он мог просто сидеть рядом, и эмиру становилось легче. Далгат Аристотелевич когда-то читал про энергетический вампиризм. Наверное, он был энергетическим вампиром, если получал облегчение от присутствия другого человека. Причем не каждого, а того, кто умеет сочувствовать и жалеть того, кому больно. Без этого человека боль порой становилась невыносимой.

Гаримханов как-то даже удосужился спросить у Герихана, не трудно ли тому бывает стрелять в людей. Ведь пулемет – оружие такое, что не делает выбора в цели. Он косит всех подряд, и добрых, и злых.

Довтмирзаев задумался перед ответом, а потом признался:

– Поначалу я даже спать не мог. После первого боя проснулся ночью оттого, что плачу. Больно было за убитых, вспоминал, как они руки вскидывают, как головы роняют, как сами падают на землю. Все время вспоминал, и во сне лица убитых рассматривал, пытался представить себе, какие они были при жизни. Потом постепенно привык и старался не думать о них. Сам я смерти не боюсь. Я, как говорится, человек пожилой. А что такое – пожилой? Это тот, который уже пожил свое. Все равно скоро Аллах меня заберет. И я не думал о том, что если не убью тех, кто против меня идет, то они меня убьют. Но думал о тех, кто со мной рядом, о вас, эмир, думал, о других из нашего джамаата. Их убьют, мне больно будет. И тогда я перестал чувствовать боль за убитых, ведь я спасал своих друзей.

– Это правильно, – согласился эмир, большой любитель вставлять в разговор цитаты из Аристотеля. Не своего отца, которого звали Аристотелем, а того умного древнего грека, в честь которого отца и назвали дедушка с бабушкой. – «Друг всем – ничей друг». Нельзя быть одновременно другом и врагу, и товарищу. И любить следует того, кто рядом с тобой, кто тебя поддерживает и все трудности с тобой делит. Это – настоящие друзья. Их мало, но еще древний Аристотель говорил: «У кого есть много друзей, у того нет друга».

Пулеметчик Герихан никогда ничего не читал из того, что говорил Аристотель, и даже не очень себе представлял, кто это такой. Он вообще за всю свою жизнь книг, кроме школьных учебников когда-то давным-давно, в руки не брал. Но со словами эмира всегда соглашался. Они казались ему очень умными и значительными, и от этого он уважал Гаримханова еще больше.

Он уважал своего эмира до последнего своего вздоха. Когда разгорелся бой, когда спецназовцы выгнали джамаат из хорошо протопленных землянок на дне ущелья и погнали бойцов на склон, Довтмирзаев прикрывал общий отход. И погиб первым уже на склоне, когда эмир приказал остановиться, чтобы прикрыть отход пулеметчика. Он почти догнал джамаат, по крайней мере, уже вышел на полосу снега, где его и настигла пуля. Чтобы организовать качественное прикрытие отступающего, у джамаата Гаримханова просто физически не хватило стволов для соответствующей плотности огня. Герихан, получив пулю в спину, выпрямился в полный рост, уронил пулемет, но посмотрел напоследок не туда, откуда прилетела пуля, а на своего эмира, словно пожалел его в последний раз. Довтмирзаев знал, как трудно Далгату Аристотелевичу даже просто ходить, не то что бежать по колено в снегу. И от этого взгляда эмир почувствовал себя лучше. Почти нестерпимая боль, которая неестественно выгибала его тело, отступила, и он, ругнувшись короткой автоматной очередью в сторону наступающего спецназа, побежал дальше, к камням, по которым было легче уйти от преследования, поскольку камни не оставляют следов.

Но спецназ, что называется, «сел на хвост». Плотно «сел» и не отставал. Было или нет спасение в пещере, этого не знал никто. Эмир даже думал, что спецназовцы могли ее раньше найти и заминировать ближайший вход. Но это была надежда на спасение, и она еще не умерла. Понятие того, что надежда умирает последней, заставляло Гаримханова бежать, преодолевая боль. Но он все же не мог бежать так быстро, как его моджахеды, а они не хотели бросать своего

эмира. В итоге все решил Ваха, ближайший помощник и друг детства Далгата Аристотелевича. Именно Ваха дал команду:

– Джамбек! Уводи эмира. Помоги ему. Мы прикроем!

Джамбека Абалиева Ваха выбрал потому, что Джамбек был самым сильным и выносливым в джамаате бойцом. Он мог бы и на себе унести Далгата Аристотелевича, если бы того в какой-то момент совсем сломала боль.

И все послушались. Их оставалось четверо, они отходили, пятась и отстреливаясь. И все четверо легли там же, на пятнадцать шагов выше по склону, чем Герихан Довтмирзаев. Это эмир увидел, обернувшись перед тем, как спрятаться за скалу, которая скрывала вход в пещеру.

– Запрут нас здесь... – предостерег Джамбек.

– А что ты предлагаешь? Под пули идти? – спросил Гаримханов. – Или сдаться хочешь? Иди, они тебя сразу пристрелят, чтобы до суда дело не доводить. Иди, если хочешь, я тебя не держу. Я предупредил только, что на пощаду рассчитывать не стоит...

Джамбек улыбнулся. Он в такой ситуации еще не потерял способность улыбаться.

– Я не про то, эмир. Я подумал, может, нам лучше по языку на ту сторону перейти? Там ущелье сквозное. Спустимся и сможем оторваться.

Далгат Аристотелевич посмотрел на каменный язык, сползающий от вершины хребта. Он образовался давно и постоянно грозил мощным камнепадом скатиться в ущелье. Эмир даже запрещал своим людям ходить на этот конец ущелья, потому что камнепад мог свалиться в любую минуту и сделать над могилой бойца каменный холм.

– Жить надоело? – спросил он Джамбека. – Это то же самое, что спецназу сдаться...

Джамбек был тем хорош, что никогда не отличался своеволием, он послушно полез в щель под скалой, из которой можно было пробраться в пещеру. При ширине его груди и плеч протиснуться в узкую щель было проблематично. Но Джамбек протиснулся, оставляя на камнях клочки одежды и даже бороды. Два лоскутка с его камуфлированного бушлата эмир подобрал и сунул в карман. Зачем оставлять следы спецназу? Будут искать – пусть ищут, все равно следов не найдут. Снежный покров, печатающий следы, остался на десять метров ниже, а тот, что выше... – Гаримханов посмотрел и ужаснулся. Прямо над ними висел большой и тяжелый снежный козырек, который в любую секунду мог сорваться. Вид будущей лавины, стоящей, можно сказать, на взводе, заставил Далгата Аристотелевича забыть про боль и быстрее полезть под скалу. Расщелина сначала не хотела его пускать, но скоро признала за своего и расступилась. Чтобы попасть в пещеру, требовалось прыгнуть с высоты полутора метров. Раньше это казалось эмиру детской забавой, сейчас же только от мысли о прыжке боль резко возобновилась. Хорошо, что Джамбек такой большой и сильный. Он буквально воспринял приказ Вахи и протянул руки, помогая Гаримханову, как ребенка снимая его из расщелины и ставя на ноги...

Фонарик все же остался у него, и это хорошо. Это было отчасти спасением. Старший сержант посветил себе под ноги и спустился на нижний уровень пещерной галереи. Галерея представляла собой каменную трубу диаметром около двух с половиной метров, идущую по длине хребта. На искусственно созданную она не походила. На стенах не видно было следов человеческих орудий труда. Но под ногами, как показалось, земля была утоптана. Кто и когда эту землю утоптал, неизвестно. Но, если кто-то здесь ходил, значит, из пещеры есть выход наружу, нужно только поискать.

Об эмире Гаримханове, банду которого преследовал взвод, старший сержант в этот момент даже не подумал. Все его мысли сводились к одному – как выйти из пещеры, как найти своих товарищей по взводу или же тех, что остались за камнями в засаде. Насколько он успел увидеть, лавина не должна была дойти до этих камней и снести солдат.

Галерея оказалась длинной. Но скоро она все же закончилась и привела старшего сержанта в большой грот. Там он нашел следы старого костра, скорее всего, многолетней давности, и копать на потолке. Только после этой находки Слава Чухонцев вспомнил об эмире Гаримханове и предположил, что его не смогли найти на склоне только потому, что он через какой-то хорошо замаскированный проход забрался в пещеру. Вполне возможно, что банда даже жила когда-то в этой пещере и только потом вырыла себе на дне ущелья землянки, куда и перебралась. Землянки нашли и взорвали вчера. Банду практически уничтожили сегодня. А эмир с одним из своих сподвижников полез куда-то вверх. И вполне резонно допустить, что он решил спрятаться в прежних своих апартаментах.

Эти мысли старшего сержанта не сильно напугали. Бандитов он не боялся, справедливо считая, что это они должны его бояться. Увидят одного, посчитают, что пришли все. У страха глаза велики. Испугавшись, стрелять не будут, предпочитая оставаться незамеченными, что, возможно, позволит им спастись. Но и ему следует соблюдать повышенную осторожность.

Сказать, что падение в подземную галерею прошло безболезненно, можно было с большой натяжкой. У Славы болело все тело, при каждом шаге что-то скрипело в спине, как у векового старика, с болью в области плеча поднималась левая рука, ныла основательная шишка на голове чуть выше лба, да и легкая головная боль настроения не поднимала. Трудно было смотреть, не поворачивая головы влево – в глазах сразу появлялась боль, и выступали слезы – верный признак сотрясения мозга. Но, видимо, легкого, потому что при сильном сотрясении обязательно присутствует тошнота, а у Славы тошноты вообще не было. Хотя, кажется, слегка поднялась температура – это тоже признак сотрясения мозга. Вроде бы падал не с большой высоты, но упал неожиданно, не управляя своим телом, и вот результат. Тем не менее, взяв себя в руки и сконцентрировавшись усилием воли, Слава почувствовал себя более боеспособным и готовым к любым новым неожиданностям.

Усевшись на камень около много лет назад потухшего костра, Чухонцев задумался. Первое, что он решил предпринять, это попытаться выйти на связь с командиром взвода. Перед тем как остаться в засаде, Слава проверял свою трубку. В аккумуляторе был только ополовиненный заряд, который позволял звонить, но, главное, в правом верхнем углу монитора отчетливо читалась надпись: «Нет сети». В ущелье связи не было, могла ли она появиться в пещере? Но нет, ее по-прежнему не было. Конечно, невозможность связаться с командиром или с кем-то другим не радовала, но и не казалось убийственной. Связь – это вещь страшно капризная. Она может пропасть на самом ровном участке, где нет вроде бы никаких внешних помех, и появиться, когда проходишь между скалами, со всех сторон окруженный камнем.

Что можно предпринять в такой ситуации, в которой Слава оказался? Он начал размышлять.

Если исходить из того, что когда-то пещера и ее галереи и гроты использовались бандитами для постоянного проживания, следовало предположить, что здесь существует несколько входов и выходов. Именно несколько в целях безопасности. И поискать их стоит, чтобы выйти из вынужденного заточения. Но при этом следует не нарваться на эмира Гаримханова. А если все же это произойдет, то дать бой. В своей боевой подготовке старший сержант контрактной службы был уверен. Даже двум бандитам, если не будет какой-то неожиданности, с ним не справиться. Более того, именно боевая подготовка давала возможность Чухонцеву самому создать неожиданность для бандитов, и он очень на это надеялся. На свою отработанную реакцию, на свое умение стрелять не просто так, как стреляют все, а навскидку, от пояса или за спину сразу с разворота, а то и при перевороте по оси в прыжке, что дает стрелку дополнительные гарантии сохранить жизнь. И еще на те занятия, которые проводил старший лейтенант Шахамурзиев и которые старшему сержанту Чухонцеву не очень нравились, потому что он тогда считал их бесполезными с практической точки зрения. Командир взвода завязывал солдатам глаза, крутил их вокруг оси в несколько оборотов, чтобы они потеряли ори-

ентацию, сам садился в специально для этого вырытую щель и закрывался металлическим щитом. Щит выставлялся не для защиты от пуль, а для того, чтобы солдат не угодил ногой в щель и не повредил себе конечности. А сам старший лейтенант через целую систему блоков тащил в десяти метрах от солдата провод с несколькими пустыми консервными банками. Пустые банки хорошо звенят, когда их тащишь по асфальту, особенно, если одна другой касаются. Слава хорошо помнил свое детство, когда пацаны во дворе привязывали всегда к одной и той же машине веревку с пустыми консервными банками. Грохот сильно пугал водителя, их соседа, и это вызывало у мальчишек восторг. Только уже потом, став взрослым, Слава понял, что в игре участвовали не только мальчишки, но и сам хозяин машины. Он наслаждался восторгом хохочущих мальчишек, как они наслаждались его видимым испугом.

Старшему лейтенанту Шахамурзиеву, большому спецу на всякие хитрые тренажеры для подготовки солдат, громкость была не нужна, поэтому банки он привязывал к проволоке на таком расстоянии, что они не задевали друг друга, не гремели, а только иногда позвякивали и скрипели на песке. Звук был слабым. И на этот звук надо было стрелять. Стрельба вслепую мало кому нравилась, тем не менее, давала какой-то навык. И за шесть лет, что старший сержант служил вместе с Багдасаром Давлетбаевичем Шахамурзиевым, навык в слепой стрельбе он приобрел основательный, и сейчас, в темноте пещеры, это может пригодиться. Не зря придумал командир взвода такую тренировку...

Вход привел в галерею, из которой, если пройти вправо, можно попасть в глухой большой грот, в котором изначально джамаат и располагался. Но там было слишком холодно зимой – грот расположен близко к поверхности, и в самые сильные морозы верхние камни покрывались инеем, потому, уже на следующее лето, обследовав пещеру основательнее, люди Гаримханова нашли боковой проход, ведущий далеко вниз, в следующий грот, из которого вело еще несколько галерей в разные стороны. Но чтобы исследовать их, не хватило аккумуляторов для фонариков. Фонарики нужны были не только для постоянного проживания здесь, но и для дела – выйти ночью из ущелья без фонарика было невозможно. Поэтому Вахе приходилось отправляться в далекое село к родственникам. В ближних селах моджахедов Гаримханова не поддерживали. Здесь жили люди из других тейпов, они приходились дальней родней тейпу Кадырова. В этих селах даже появляться было опасно, потому что всегда была вероятность нарваться на автоматную очередь. Такое однажды случилось. Хорошо, что весь джамаат был в сборе и рядом. Потеряв двоих, джамаат вошел в село, расстрелял людей, забывших, что такое гостеприимство, и сжег их дом. Заодно еще два дома сгорело. Больше в ближние села эмир Гаримханов не совался без особой надобности...

Даже зная свой народ, даже зная обычное бесстрашие своих одноплеменников, Далгат Аристотелевич считал, что его должны и обязаны были бояться. Ему нравилось, когда его боялись, он тогда чувствовал свою силу. И боялись не только нападения джамаата, боялись встречи с ним самим, особенно его взгляда. О взгляде своих желтых волчьих глаз Далгат Аристотелевич слышал уже неоднократно и часто пользовался тем, что мало кто мог его выдержать. Он смотрел, не мигая, на человека и обычно чувствовал его страх. Даже бойцы джамаата не могли смотреть в глаза своему эмиру. Он их пугал. Однажды Герихан Довтмирзаев сказал, что у эмира взгляд волка. Это очень понравилось Гаримханову, потому что еще в детстве он услышал от отца слова, которые на всю жизнь запечатлелись в его сознании:

– Наш тейп происходит от волка. У нас у всех волчья кровь и волчьи глаза. И потому люди боятся нас. Мы – хищники... И ты, сынок, помни, что волком жить лучше, чем овцой...

Далгат запомнил слова отца. Он всегда старался оставаться волком, не желая быть овцой, и очень радовался, когда на знамени Ичкерии появился волк, а потом расстраивался, что продержался он там недолго. И сама Ичкерия стала снова называться Чечней, хотя ичкерийцы и чеченцы – это разные люди. Чеченцы всегда жили в долинах, занимались ремеслами и тор-

говлей. А ичкерийцы жили в горах и время от времени грабили чеченцев. А как не грабить, если все достояние жителей гор – это пастбища для скота. Ичкерийцы всегда были воинами и абреками – волками, а чеченцы считались мирными людьми – овцами, поэтому в свой джамаат эмир Гаримханов брал только настоящих ичкерийцев. Чеченец Довтмирзаев попал в эту компанию случайно и то только потому, что сам пришел вместе со своим пулеметом. А джамаату требовался и пулемет, и пулеметчик. И эмир нарушил свое правило. Нарушил продуманно, с интересом наблюдая за пожилым пулеметчиком, часто разговаривая с ним по душам и пытаясь понять, почему одним Аллах даровал только одно, другим только другое и не создал совершенного человека, наделенного всеми необходимыми для человека качествами. Размышляя таким образом, Далгат Аристотелевич не сразу даже понял, что начинает противоречить своей жизненной позиции, признавая, что чем-то обойдены и ичкерийцы, такие же волки, как он сам. Но признать обделенным себя он никогда бы не решился. Это сломало бы его характер, это раздавило бы его принципы. Но даже при том, что Далгат Аристотелевич любил поразмышлять и пофилософствовать, он интуитивно не касался в своем анализе людей и ситуаций того, что могло бы в какой-то степени разрушить его веру в себя и в правоту волчьего дела. Он желал оставаться волком до последнего своего часа...

Бродить по галерее в темноте – удовольствие не самое приятное. В этом старший сержант Чухонцев убедился уже на первых метрах пути. Он несколько раз неудачно споткнулся и чуть было не упал. Это вынудило его идти осторожнее, ошупью, но такое передвижение занимало слишком много времени. Тем не менее, предполагая, что эмир Гаримханов с одним из бандитов укрылись именно в этой пещере, Слава не решался пользоваться фонарем. Попасть очередь в человека, освещающего себе путь фонарем, – дело несложное, это умеет, наверное, всякий, кто брал в руки автомат. Так что идти без фонаря все же надежнее.

Глаза человека быстро привыкают к темноте. Но видеть он начинает лишь тогда, когда есть хоть какой-то источник света, хоть лучик, хоть далекий проблеск. И не только человек. Даже животные и птицы, которые считаются ночными охотниками, видят точно так же. Ни сова, ни филин, ни кошка ничего не смогут различить в полной темноте. И только летучая мышь благодаря сидящей у нее в голове радиолокационной системе не нуждается в источнике света, поэтому летучие мыши легко и без проблем живут в пещерах. И хотя нарукавная эмблема старшего сержанта контрактной службы Славы Чухонцева носила на себе изображение летучей мыши, он, тем не менее, видеть в полной темноте не умел.

Спасала опять же тренированность...

– Почему у вас на рукаве «сидит» летучая мышь? – спрашивал старший лейтенант Шахмурзиев, прогуливаясь вдоль строя перед началом новых занятий. Занятия по расписанию были намечены на время, когда уже стемнеет. – Я вам отвечу, потому что спецназ ГРУ должен уметь работать ночью точно так же, как и днем, не замечая разницы во времени суток. Кто смотрит на эту разницу, тот проигрывает по всем статьям. Проигрывает еще до того, как началось дело. Вы – не просто армейские разведчики. Вы еще и диверсанты. Вы обязаны уметь выполнять диверсионную работу в тылу врага. Но кто и когда выполняет такую работу днем? Только ночью! Когда человек даже собственную тень не видит. И противник не видит. А вы должны видеть и собственную тень, и противника, и объект диверсии...

Днем рядом с «полосой разведчика»¹ два самосвала выгрузили камни различной величины, и взвод под руководством старшего лейтенанта разносил и раскладывал их рядом с забором, огораживающим периметр городка бригады спецназа ГРУ. Что они сооружали, солдаты

¹ «Полоса разведчика» – полоса препятствий, увеличенная в дистанции и усложненная в прохождении препятствий в сравнении со стандартной общевойсковой. (Здесь и далее прим. автора.)

не знали. Камни были тяжеленные, руки от такой работы крепили, но уставали. И все же справились они быстро.

– Такие камни в фундамент хорошо заливать, – заметил кто-то из солдат.

– Домой вернешься, натаскаешь себе с ближайшего каменного карьера, – усмехнулся Шахамурзиев. – И хоть три фундамента заливай...

В расписании занятий последним пунктом стояли занятия по ночной ориентации. Оказалось, это были не просто занятия по ориентации с компасом в руках или без компаса, по часам и звездам, это была отработка умения ходить в темноте по камням. Луна в это время висела в небе невысоко, и камни попадали в тень забора. Тем не менее, их все же было видно. Но даже при этом два молодых солдата за два часа занятий подвернули ноги. На следующий день, в очередные два темных часа, ноги уже не подворачивал никто. И только на третий день старший лейтенант Шахамурзиев выставил рядом с каменной полосой высокие трубки – колья от палатки и натянул между кольями и забором полог. Это делалось для сгущения темноты. Но и там темнота не была полной. А еще через два дня командир взвода заставил солдат завязать повязками глаза и идти полностью вслепую.

– Ночью в горах, где в настоящее время и проходит большинство боевых действий, такие препятствия будут попадаться вам часто, и вы должны уметь ходить по ним в полной темноте.

И взвод ходил. В полной темноте. Солдаты ощупывали ногами камни, осторожно шли дальше, и на этих занятиях ноги уже никто не подворачивал...

Обозленный неожиданным появлением спецназа и измученный своей болезнью, Далгат Аристотелевич собирался второпях, не только необходимые вещи собирал торопливо, но даже мысли собрать ему было трудно, они метались, скакали, выпрыгивали из головы. И он забыл захватить в землянке свой тактический фонарь EagleTac G25 американского производства. Фонарь этот легко устанавливался на автомат, не мешал стрельбе и помогал во многих ситуациях, причем имел, в отличие от российских тактических фонарей, широкую шкалу градации света – и разноцветную, и разную по концентрации луча, и по яркости, и по дальности. С таким фонарем удобно было воевать. Если впереди цель, наставишь автомат и сразу можешь стрелять. Была у фонаря даже способность ослеплять лучом человека. После попадания яркого света в глаза противник несколько секунд ничего не видел и не мог выстрелить в ответ. Причем куплен был этот фонарь в обыкновенном охотничьем магазине. Армейские начальники по охотничьим магазинам не ходят, они покупают для нужд армии дешевые китайские фонари. Правда, иногда офицеры покупают себе на свои деньги фонари стоящие, но это нечасто, обычно такие встречаются только у офицеров спецназа, хоть спецназа военной разведки, хоть у «краповых».

Фонарь было жалко. Теперь его не вернешь. Наверное, спецназ ГРУ уже обыскал землянки, и кто-то умный забрал этот фонарь себе. Только дурак такой фонарь не прикарманит. А дураков, слышал эмир, в спецназе ГРУ подолгу не держат. И сами землянки спецназовцы взорвали. Это Далгат Аристотелевич видел своими глазами. Значит, даже если фонарь никому на глаза и не попался, искать его на развалинах уже бесполезно, улететь после взрыва мог и на высокий склон, и за хребет в соседнее ущелье – не туда же за ним бежать. И приходилось эмиру и Джамбеку Абалиеву обходиться одним фонарем, который моджахед, в отличие от эмира, в своей землянке не оставил. Да он его и не в общей землянке держал, а в кармане своей «разгрузки». Удобная вещь – «разгрузка», много карманов... Но светил Джамбек не себе под ноги, а уважительно под ноги эмиру, чтобы тот не споткнулся. Сам же Абалиев спотыкался несколько раз, давно отвыкнув от блуждания по подземным галереям.

Трижды на коротком отрезке пути эмир со стоном присаживался на камень, будучи не в силах терпеть боль и продолжать путь. Ноги у него для очередного шага не поднимались, и требовалось дать организму отдохнуть. Джамбек терпеливо ждал, когда Далгат Аристотелевич отдохнет и сможет идти дальше, и ничего не говорил, не торопил, считая, что эмир сам

все знает лучше, нежели он. Гаримханов отдыхал, собирал усилием воли остатки сил, потом опять со стоном и кряхтением поднимался, мысленно ругая самыми распоследними словами и болезнь, и еще больше своих преследователей, и они двигались вперед. Так и добрались до грота, из которого в разные стороны уходило несколько галерей. Сразу свернули в правую, но войти не успели – и стены, и почва под ногами, и потолки, все вдруг завибрировало и мелко задрожало. Они остановились, и луч фонарика Джамбека забегал по стенам в поисках убежища. Но это был не жилой дом, в котором в случае землетрясения можно было встать в дверной проем, чтобы тебе ничего на голову не упало, здесь не существовало дверных проемов и балок перекрытия.

– Землетрясение... – с отчаянием в голосе прошептал Джамбек.

Дрожание почвы так же внезапно прекратилось. Шум, стоявший над головой, ушел куда-то в сторону и вниз, а потом ощутились последствия сильного удара, словно бы завершающего аккорда настоящего землетрясения.

– Нет, Джамбек, – покачал головой эмир, – это не землетрясение, это сошла лавина. Я смотрел на нее, перед тем как в расщелину залезть. Подумал еще, что с минуты на минуту сойдет.

– Я видел козырек и тоже подумал о лавине. Всех наших, наверное, снесло, – печально заметил моджахед.

– Не их самих. Только их тела, останки... Если бы хоть кто-то жив остался, он уже догнал бы нас. Мы медленно идем. Я даже специально присаживался, чтобы подождать, – неуклюже попытался эмир обернуть свою слабость в сторону заботливости о своих людях.

Джамбек никак не показал своего отношения к этой попытке, лишь спросил:

– Мы только вдвоем остались?

– Похоже на то, что вдвоем. Но, пока мы способны держать автомат в руках, мы – волки-воины и не сдадимся. И мы не боимся волкодавов. Если раньше они шли по следу, то теперь, думаю, нас вообще найти не смогут. Лавина, судя по звуку, прошла как раз над входом в галерею, и его наверняка завалило. Никакой нюх волкодава не поможет им... Нам бы только здесь отсидеться. Запасы питания у нас есть, вода тоже есть. Что еще нужно? Патроны... Патронов хватит, но лучше бы их и не тратить...

– Еще бы женщину, – сказал Джамбек, – и на год можно залечь...

– На год – это слишком долго. Даже с хорошей женщиной. Любая надоест. А у нас весна впереди. К весне волки всегда тощат и выходят на охоту. Они не от голода тощат, а от страсти, страсти к охоте. Летом нам предстоит много дел. Наберем новых людей, вооружим и объясним волкодавам, что в своем доме мы хозяева, в своих горах – мы правим!

У Джамбека была крупная голова, соответствующая его крупному телу. Но большая голова, тем более с узким и приплюснутым лбом, никогда еще не была признаком большого ума. По крайней мере, эмир Гаримханов не замечал за своим моджахедом признаков высокого интеллекта. Но Джамбеку Абалиеву это и не нужно было. Его мало интересовало что-то высокое, как это интересовало порой самого эмира, считающего себя отчасти философом, отчасти воином. Джамбек был прост, как обыкновенный борец, и эмир легко прощал ему это.

Они вошли в узкую галерею, круто уходящую на нижний уровень. Джамбек по-прежнему светил под ноги идущему первым Далгату Аристотелевичу, а сам время от времени спотыкался. У него нога была, как минимум, сорок шестого размера, и ему при всем старании трудно было не наступать на камни. Хорошо, что в этой галерее их было относительно немного, а сама галерея приводила в небольшой грот, украшенный сталактитами и сталагмитами, делала петлю и уходила в нижний большой грот, где джамаат Гаримханова и жил перед тем, как построить себе более удобные и теплые землянки. Здесь протекал подземный ручей с какой-то минеральной водой, пить которую можно было в свое удовольствие. К тому же вода очень быстро заживляла порезы и царапины. Здесь же был склад продуктов джамаата. Вот склада тактиче-

ских фонарей, к сожалению, не было, и эмиру со своим помощником приходилось по-прежнему обходиться единственным фонарем Абалиева, который, кстати, к концу пути стал светить заметно слабее. Правда, его это не особенно беспокоило, с того времени, когда джамаат постоянно жил в гроте, осталось еще достаточно дров, чтобы целую неделю жечь небольшой костерок.

– Костер разведи, – потребовал Далгат Аристотелевич, – а то меня слегка знобит...

Джамбек бросился выполнять приказание почти бегом. Но у него, как у человека не курящего, не оказалось ни спичек, ни зажигалки. Гаримханов тоже не курил, и, поскольку никогда сам огонь не разводил, даже в землянке, не имел ни спичек, ни зажигалки. Но эмир вовремя вспомнил, что в маленьком гроте, сбоку от большого, к стене была прибита доска с ввинченными в нее саморезами. Там, на этой доске, должна оставаться старая одежда.

– Поищи в карманах, – кивнул он в сторону вешалки.

Джамбек вернулся уже через тридцать секунд, держа в одной руке коробок спичек, в другой стянутую резинкой пачку долларов.

– Там было... Чьи это?

– Теперь – твои... – проявил милость эмир. Он никогда не был человеком жадным, и за это бойцы его ценили.

Джамбек остался доволен, сунул пачку в карман и попытался разжечь костер. Но спички в сыром воздухе тоже отсырели и не хотели зажигаться. Ломались одна за другой, но не загорались.

– Иди, поищи зажигалку, – послал помощника Далгат Аристотелевич.

Джамбек ушел и вскоре вернулся с зажигалкой в руке. Долларов больше не нашел, что его заметно расстроило. Первая пачка была толстой. Если не фальшивки, там хватило бы на новую машину. Но аппетит всегда приходит во время еды, и ему захотелось еще одну такую же пачку. Даже обида взяла, что никто ее не оставил.

Джамбек вытащил из своего кармана сухую бересту, и теперь костер разгорелся довольно быстро. Гаримханов протянул к огню руки.

– Я отдохну, Джамбек. А ты сходи, посмотри на вход. Нас в самом деле полностью заваляло? А то, может быть, стоит ждать гостей? Или самим выбираться на ту сторону...

Выбираться на ту сторону – это значило идти к выходу в соседнее ущелье через весь хребет. Выход туда существовал. Его нашли давно, но не пользовались им потому, что из соседнего ущелья невозможно было напрямую выйти туда, куда джамаат чаще всего и выходил, отправляясь на очередную операцию.

– Я возьму фонарик? – спросил разрешения Абалиев.

– А мне он зачем? Здесь костер есть. Бери. Он все равно твой.

– Если выход завален, что мне делать?

– Попробуй прокопать.

– Пуля сквозь снег пройдет?

– Не знаю. Все зависит от толщины снега. Но лучше не стрелять. Спецназ может услышать.

– Они не найдут расщелину. И не поймут, откуда стреляют. Здесь много трещин, и звук будет выходить наружу везде, со всех сторон. Пусть испугаются, что окружены. Скоро уже ночь, а нам ночью выйти надо.

– На ту сторону выйдем. В соседнее ущелье.

– Вы ходили туда раньше, эмир?

– Нет. Но людей, помню, посылал.

– Я был с теми, кого вы посылали. Выход нормальный. Вернее, за выходом – все нормально, там можно пройти. Но чтобы до самого выхода добраться, нужно альпинистом быть. Мы там друг друга подсаживали, потом на веревке вытаскивали. И так по метру пробирались.

Нам двоим не пройти. Один бы я прошел, а двоим там нет хода. Вы болеете, эмир. Надо здесь выходить.

– Что-то я не помню разговора о невозможности там выхода. Говорили, что существует путь, и все. Что-то ты, Джамбек, не договариваешь. А-а?.. Говори откровенно, почему не хочешь на ту сторону? Там кто-то есть?

Абалиев долго молчал. Потом, наконец, неуверенно заговорил:

– Эмир, есть слухи...

– Какие слухи?

– Там строят большую базу. Сильный отряд. Больше шестидесяти человек.

– Почему мне не докладывали?

– Вчера вечером вести принесли. Вы плохо себя чувствовали, и вас не хотели беспокоить. Доложили Вахе, а Ваха не велел вам пока говорить, хотел предварительно сам все выяснить.

– Что за отряд? Почему он может быть нам опасен?

– Потому что там не любят таких, как мы. Мы за себя деремся, а они – за веру. Это салафиты², они готовы уничтожать всех, кто не с ними. Из-за этого и упустили победу в Сирии, начали драться между собой.

– Откуда они такие взялись? Кто у них эмир?

– Я не знаю имени эмира. Говорят, какой-то саудовец, чуть ли не шейх. А сам отряд пришел сюда из Сирии. Это из тех, которых «Аль-Каида» выводит сейчас из Сирии в Россию, в Киргизию, в Казахстан, в Афганистан. Сейчас много новых отрядов прибывает, а ждут еще больше. И потому, я думаю, нам лучше ночью выйти на свою сторону. После того письма в «Аль-Каиду»... Они могут знать о нем. Вы же не самый последний человек на Кавказе...

Джамбек осторожно льстил, словно пытался такими словами уговорить Далгата Аристотелевича. Но в этих словах присутствовала и доля правды, даже весьма значительная доля.

Гаримханов закрыл глаза и поморщился. Ему, в его нынешнем состоянии, в самом деле было трудно принимать конкретное решение. В дополнение ко всему, все окружающее раздражало, даже верный помощник Джамбек Абалиев. И напоминанием о том письме, об ошибке эмира, чуть не обозлило и даже физическую боль доставило. Но, когда человек так сильно болеет, любая болезненная мысль сразу переходит в категорию физической боли. Это давно проверено.

Будучи не в состоянии как следует вникнуть в суть происходящего рядом, эмир просто отмахнулся:

– Не знаю. Думай сам, что предпринять, на то у тебя голова на плечах есть. Я полностью на тебя полагаюсь. – На него снова накатила изнуряющая боль, ему даже разговаривать было трудно, и он с трудом сдерживался, чтобы не сказать что-то резкое. Джамбек, конечно, не заслужил резких слов, он – верный. Но сейчас хотелось, чтобы он скрылся с глаз. Боль была изнуряющей, и не было рядом Герихана Довтмирзаева, пожилого пулеметчика, который только одним своим присутствием снимал приступ...

² Салафиты – ваххабиты.

Глава первая

Лучше медленно идти, но остаться в живых, чем на тот свет бегом отправиться.

Такую достаточно верную и практичную установку дал себе старший сержант контрактной службы Слава Чухонцев и, выполняя ее, шел медленно, проверяя почву под ногами при каждом шаге. Скоро он привык к такому способу передвижения, и ноги уже не уставали с непривычки, как в начале пути. Неудобство состояло еще и в том, что галерея была просторная, но тропа резко сужалась книзу. Опирались одной рукой за стену возможности не было, тогда пришлось бы идти по наклонной неровной плоскости, что еще труднее. Слава шел и мысленно молился. Он никогда не молился прилюдно, наверное, стеснялся этого, как стесняются многие, хотя в ротной комнате отдыха в «красном» углу висел иконостас, и некоторые солдаты даже читали там утреннее и вечернее правила, выкраивая для этого время даже при чрезвычайно насыщенном расписании занятий, обычном для спецназа ГРУ. Сам командир взвода был верующим мусульманином, но лояльно относился к верующим христианам и кого-то даже отпускал в воскресное утро на церковные службы в поселок. Старший сержант Чухонцев был из тех, кто молился только тогда, когда ему бывало трудно. Сейчас ему было трудно. Но он не знал других молитв, кроме «Отче наш», а эта молитва казалась ему и длинной, и неподходящей моменту, и потому он только раз за разом твердил про себя: «Господи, помилуй» и время от времени крестился. Эта короткая молитва не сбивала с ритма движения и не мешала ощущать ногами почву. При этом Слава знал, что помощь свыше может прийти только тогда, когда ты веришь в нее. И он старался себя уверить, что эта помощь обязательно придет.

В какой-то момент старшему сержанту показалось, что где-то впереди мелькнул свет. Это, естественно, насторожило его и заставило крепче сжать цевье автомата. Но свет больше не показывался. Тем не менее, Слава напряг внимание и приготовился к любой неожиданности, которая могла явиться ему из-за поворота в один из боковых гротов. Эти небольшие боковые гроты-углубления он успел рассмотреть еще на пути в большой грот, когда пользовался фонариком. Большому количеству людей спрятаться в них было невозможно, но двое бандитов, которые ушли от спецназа, могли без проблем. Физически справиться с ними, как считал старший сержант, он вполне смог бы, но в такие моменты многое решает не физическая готовность, а умение выстрелить первым. И у двоих таких шансов вдвое больше. По крайней мере, пока будешь стрелять в одного, второй успеет выстрелить в тебя. И потому, пробираясь среди камней, оружие Чухонцев держал наготове. Умение перемещаться часто спасает человека в ближнем бою. Попасть в движущегося человека, находящегося рядом, очень сложно. На этом, кстати, и основана знаменитая система «качания маятника», когда движения корпуса мешают противнику попасть точно в цель.

Старший сержант не зря смотрел внимательно. Он сразу заметил метнувшийся луч фонарика. А потом, через сорок коротких осторожных шагов, уже и слышно стало тяжелое дыхание, даже отборную ругань. Ругались, естественно, по-русски, но с неприкрытым кавказским колоритом. Неяркий луч фонарика невнятно метался где-то за углом. Обычно никто в здравом уме так не светит, и это вызывало и недоумение, и непонимание, и дополнительную настороженность. Старший сержант пошел еще тише, крадучись, левым боком вперед – шаг, который называется «челноком», когда левая нога выдвигается, а правая только к ней подставляется, но не выходит дальше, как при обычной ходьбе. Он слышал только одного ругающегося человека, но ведь где-то рядом должен быть и второй. Старший сержант сам видел издали широкую мощную спину помощника, исчезнувшего вместе с эмиром. Однако этот второй пока не показывался и ничем свое присутствие не выдавал. Или у него не было фонарика, и он наблюдал за происходящим из темноты, что тоже возможно.

Вдруг зазвучали автоматные очереди, злые, истеричные и слишком уж длинные для прицельных очередей. Потом опять послышалось яростное и сердитое пыхтение. Старший сержант узнал место, и ему показалось, что он все понял. Кто-то пытается прокопать снежную пробку, забившую выход. И руками работает, и стреляет в снег. Но что толку стрелять в снег! Если бы это был артиллерийский снаряд, еще можно было бы надеяться. А пуля сквозь снег или проходит, или вязнет где-то вдалеке, ближе к выходу. Нужно стрелять одновременно из сотни автоматов, чтобы хоть какого-то результата добиться. Иначе – бесполезно.

Чухонцев пригнулся к самому нижнему уровню, чтобы не быть замеченным со стороны бандитом, и осторожно выглянул из-за углового камня. Большой, сильный бородатый человек бил прикладом в снежную пробку, выбивая куски снега себе на голову. И этот человек был один. Где спрятался его напарник, неизвестно, значит, Слава не зря пригибался так низко. А странность поведения луча фонарика объяснялась просто. Бородатый человек закрепил фонарик резинкой у себя на предплечье, и при каждом движении руки луч фонарика трепыхался, ничего, в принципе, не освещая, но создавая видимость света.

Застрелить бандита, занятого работой, было очень просто. Но так же просто было и самому получить очередь откуда-то сбоку, с расстояния, не позволяющего промахнуться. Бандитов изначально было двое, и уйти им было некуда, кроме как в подземные проходы, хорошо им, видимо, известные. По всей вероятности, второй должен находиться где-то неподалеку, сидит в темноте и ждет, когда напарник устанет, чтобы присоединиться и помочь ему. Чухонцева второй пока не увидел, иначе очередь уже прозвучала бы. И Слава, выпрямившись, отступил на два шага, старательно выбирая каблуками путь, чтобы не споткнуться и не сдвинуть с места какой-нибудь неустойчивый камень. Он предпочел выждать момент, когда два бандита окажутся вместе, и стрелять только после этого.

Ждать пришлось недолго. Здоровенный бородач, кажется, уже устал работать, за время, проведенное в банде, наверное, основательно отвыкнув от физической работы. И снова принялся ругаться. Но теперь уже не так, как раньше. Если раньше он ругался, подбадривая себя, то теперь ругань звучала обиженно и обреченно. Результата бородач не достиг, и понял, что достигнуть не сможет. Он даже отступил из грота, где находился заснеженный выход, в галерею, когда сверху вдруг тоже послышалась глухая и словно бы отдаленная стрельба. Сверху стреляли, вероятно, в снег. В тот самый снег, в который стрелял и бородач, но уже с другой стороны, хотя тоже с точно таким же результатом. Это могли быть только товарищи Славы Чухонцева – солдаты взвода спецназа. Бородач еще раз ругнулся, закинул ремень автомата за плечо, бросил последний враждебный взгляд на неподатливую снежную пробку и зашагал по галерее. Но не в ту сторону, в которую первоначально пошел старший сержант, а прямо в противоположную. И никто не присоединился к нему, иначе вторая фигура время от времени перекрывала бы луч фонарика. Значит, зря старший сержант перестраховывался, зря не стал стрелять сразу. Но случайно ничего не происходит, в этом Слава был твердо убежден и, немного подумав, понял, что стрелять ему действительно было нельзя. Застрели он этого крупного бородатого бандита, и неизвестно, где искать второго, пришлось бы постоянно ждать автоматной очереди из темноты, пока не выберешься из пещеры на открытое место. А так можно бандита отследить, и он обязательно приведет ко второму.

Чухонцев двинулся в темноте, стараясь не отстать от бандита, который подсвечивал себе путь уже основательно подсевшим фонариком, но даже с таким фонариком он имел возможность идти быстрее, чем старший сержант спецназа ГРУ. Слава же не мог включить свой фонарь, любой случайный отблеск мог бы выдать его. И неизвестно еще, где впереди ждет бандита сообщник. Он вполне может сидеть где-то там, в темноте галереи, первым увидит свет от фонаря и атакует преследователя с предельно близкого расстояния. А сообщник этот не кто иной, как эмир Гаримханов, фотографию которого в разделе «Розыск» старший сержант видел на доске объявлений. Этот бородатый здоровяк под описание эмира никак не подходил.

Значит, сам Гаримханов где-то прячется. От него доброго отношения и распростертых объятий ждать не приходится, не зря его прозвали Волком. Волк, когда забирается в овчарню, может унести только одну овцу, а остальных просто убивает. Начав убивать, он не может остановиться. Точно так же и эмир, он убивает всех, кого может убить и кто встретится ему на пути. Значит, убить его следует раньше, чем он сам попытается это сделать. Но он осторожный, как настоящий волк, и с таким же обостренным чувством самосохранения. Умеет устраивать хитрые засады и уходить от преследования. Эти его качества как раз и говорят о том, что Гаримханов может просто дожидаться в коридоре, пропустить мимо себя идущего впереди бандита и напасть на преследователя из темноты. Но пока он преследования увидеть не мог. Нет включенного фонаря, значит, нет и преследования. И пусть дальше так считает. До того момента, пока Слава сам не начнет в него стрелять. В своих возможностях и в боевой реакции старший сержант не сомневался...

Рядовые Серега Ладушкин и Толик Солнцев, солдаты-контрактники, оставленные командиром взвода вместе со старшим сержантом Чухонцевым в заслоне, видели эту жуткую по силе лавину, которая накрыла, по их мнению, Чухонцева, и растерялись, не зная, что предпринять. Естественное чувство долга и товарищества толкало их вперед, чтобы помочь своему заместителю командира взвода, но оба понимали, что такое лавина, и осознавали, что их скромных сил не хватит на то, чтобы с этой природной мощью потягаться, поэтому вынуждены были ждать, когда место станет безопасным. Впрочем лавина – это не дождь и не снег и не бывает затяжной. Как только она с шумом прошла, очистив склон и от снега, и от многих камней, и от бандитских тел, рядовые устремились туда, где в последний раз видели Славу. Оба понимали, что найти его на том месте уже не реально, тем не менее, побежали именно туда.

– Здесь, кажется, скала стояла. Он, я видел, под скалу от лавины спрятался, – сказал Ладушкин. – А скалу снегом своротило. Если не отскочил, скалой раздавило, если отскочил, под лавину попал. Одно другого не лучше...

– Да, я видел, как скала поехала, – подтвердил Солнцев. – Сначала за землю еще цеплялась, не хотела катиться, потом сорвалась... А ниже уже рассыпаться стала. Когда о другие скалы ударилась, совсем рассыпалась, на камушки...

Они тщательно рассматривали землю и снег там, где, по их мнению, раньше стояла скала. Ногами ковыряли плотно притертый к склону, вдавленный в него, словно бы асфальтовым катком, снежный покров, но никаких следов найти не смогли.

– Пусть бы автомат в землю вдавило, было бы хоть что-то понятно, – посетовал Толик Солнцев. – А так... Куда его унесло? И вообще, унесло ли?

– Что делать будем? – хмуро спросил обычно улыбчивый Ладушкин. – Надо командиру сообщить.

Солнцев, цыкнув, вытащил трубку и посмотрел на монитор.

– «Нет сигнала»...

– У меня то же самое, – посетовал Ладушкин, глядя в свою трубку.

– И что делать будем?

– Значит, бежать надо туда, к Шаху... – Шахом солдаты между собой звали старшего лейтенанта Шахамурзиева.

– Кто побежит? Одному остаться надо. Заслон открывать полностью нельзя. Вдруг бандиты были по ту сторону лавины и надеются, что нас лавиной снесло. Могут рискнуть и пойти.

– У тебя ноги полегче. Беги ты. Я покараулю.

– Годится. Я рванул... – без уговоров согласился Толик Солнцев и побежал по склону в сторону перевала, за который прошел взвод во главе с командиром.

Рядовой Ладушкин еще раз осмотрел все кругом, надеясь увидеть хоть малейший след старшего сержанта. Но увидеть ничего не удалось, и Серега вернулся за свой камень, где изначально был устроен заслон...

Рядовой Толик Солнцев бежал без напряжения, легко, и даже тяжелый солдатский бронежилет ему почти не мешал. Привык уже бегать в бронежилете за два с половиной года сначала срочной, а потом и контрактной службы. Но по сторонам рядовой смотрел так, словно бежал он по занятой врагом территории. Однако ничего угрожающего заметить не сумел. Так и добрался до перевала, перешел его, начал спуск и тогда услышал выстрелы. Сначала автоматную очередь, за ней, почти сразу, вторую автоматную и пулеметную. Эти очереди, кажется, были односторонними. А после этого пошла и двусторонняя стрельба, причем такая активная, которой рядовой за годы своей службы, кажется, и не слышал, разве что на учениях, когда стреляли холостыми патронами, не жалея их. Но сейчас учений никаких обещано не было, и звук выстрела у холостого патрона совсем иной, нежели у боевого. Сейчас стреляли явно боевыми. Похоже, взвод ввязался в серьезный бой. Непонятно только с кем именно, потому что Солнцев сам лично слышал, как, давая задание командиру взвода старшему лейтенанту Шахамурзиеву, говорили только о банде Гаримханова. Других банд в районе отмечено не было. А здесь взвод, без сомнения, встретил серьезное сопротивление. И это не эмир Гаримханов с единственным оставшимся своим помощником. Двоих уничтожили бы сразу.

Тропу, по которой пошел взвод, рядовой Солнцев нашел без проблем. Снег лежал и на этом склоне, поэтому следы солдатских башмаков виднелись отчетливо. Но не успел Толик пробежать и двух десятков шагов, как у него зазвонила в кармане трубка. Значит, появилась связь. Солнцев посмотрел на определитель номера. Звонил командир взвода Шахамурзиев.

– Рядовой Солнцев. Слушаю, товарищ старший лейтенант. – Чтобы не сбивать дыхание, разговаривать на бегу Толик не стал и перешел на быстрый шаг.

– Наконец-то хоть до одного дозвонился. Чухонцев с Ладушкиным не отвечают. Ты тоже сначала не ответил. Как там у вас дела?

– На той стороне, товарищ старший лейтенант, трубки не работают. Пишут: «Нет сигнала». Я уже на вашей стороне. Бегом к вам с докладом отправился.

– Что случилось? Бандиты нашлись? Разрешаю уничтожить...

– Хуже, товарищ старший лейтенант.

– Хуже может быть только иностранная интервенция, атомная война или женитьба на собственной теще.

– С бандитами мы справились бы, а вот с лавиной не смогли.

– Какая такая лавина? Докладывай без недомолвок, – в голосе старшего лейтенанта послышались нотки беспокойства.

А в трубку доносились звуки активной перестрелки. Причем отчетливо различались две линии, с которых велся огонь. Ближняя линия – видимо, спецназа, и дальняя – неизвестного противника. Но командир взвода пока ничего о бое не говорил.

– Мы сидели, караулили. Старшему сержанту Чухонцеву показалось, что один из убитых бандитов на склоне пошевелился. Он пошел посмотреть. Всех пятерых на всякий случай проверил. Трупы явные, заиндевелые. Когда выходил назад на тропу, лавина пошла. Она вверху давно козырьком висела. Надо было бы расстрелять ее из гранатомета, чтобы сразу сошла, а мы не догадались. Чухонцев успел за скалу заскочить, под ней спрятался, но лавина большая была, сильная. Она и скалу своротила.

– А Слава?

– Никаких следов. Мы с Ладушкиным все осмотрели, как только лавина сошла, но ничего не нашли. В ущелье спускаться не стали, все равно там двоим ничего не раскопать. И бандиты

могут после лавины выйти, думая, что нас снесло и похоронило. Ладушкин остался бандитов караулить, а меня к вам послал с докладом.

– А из-под скалы Слава выскочить мог?

– Только под саму лавину. Правда, мне казалось, что там рядом со скалой раньше большой валун был. Очень большой, прочно под землю севший. Как белый гриб сидел, устойчиво. Я валун этот запомнил. Но сейчас и валуна нет. Конечно, и он мог скатиться. Не знаю... Искать надо. Я слышал, бывает, откапывают из-под лавины людей, и они еще живы. Для того спасательные службы и существуют. Но мы пост, товарищ старший лейтенант, оставить не можем. Вдруг эмир Гаримханов выйдет...

– Да, проблема... Проблемы... У нас тоже проблема. Наткнулись еще на одну банду. Численно сильнее нас. И воюют грамотно, опытные. Передовой отряд их мы уничтожили, а тут еще с полсотни стволов подвалило. Пытались нас «в лоб» атаковать, но удалось остановить. Ждем следующей атаки. Я вызвал подкрепление и авиацию. К сожалению, сняться и пойти к вам не могу. Нас начнут преследовать, и тогда потери неизбежны. Ждите на месте. Я спасателей вызову, у них оборудование есть, чтобы лавины «прозванивать», и прикрытие для спасателей. А то вылезет Гаримханов не вовремя. Ты возвращайся к Ладушкину. Подстрахуй. Что-нибудь придумаю... Как подкрепление подойдет, я сразу к вам отправлюсь. Гони!..

Хорошо, что рядовой Солнцев заранее перешел на шаг, пусть и быстрый. Это позволило ему на ходу развернуться и без остановки побежать в обратном направлении. Серега Ладушкин его, наверное, уже заждался...

Когда Джамбек оставил эмира одного и удалился на достаточное расстояние, чтобы не слышать, что у костра происходит, Далгат Аристотелевич позволил себе расслабиться. Он вертелся от боли на камнях, извивался, как червяк, хотя каждое движение приносило новую волну боли, но это расслабление в уединении всегда помогало. Гаримханов помнил старый принцип – боль вышибается болью. И чем больше ему было, тем больше он привыкал к ней, и тогда боль уже становилась более терпимой. Один знакомый рассказывал когда-то эмиру, что повредил себе спину и постоянно жил с болью в спине. Но когда болезнь ушла, человек чувствовал себя разбитым и тоже больным. Врач-психиатр определил, что это психосоматическое заболевание. Человек привык к боли и плохо чувствовал себя без нее. Но эмир, конечно, не желал себе подобной участи. Он вообще не хотел болеть. Все возможные лекарства у него уже кончились. Надо было раньше послать кого-то в город за ними, а теперь уже и послать некого, потому что Джамбек Абалиев в розыске и со своей примечательной крупной фигурой будет легко опознан первым же встречным полицейским. А больше с эмиром никого не осталось. Без лекарства мог помочь только Герихан, но Герихан уже никогда больше и никому помочь не сможет.

И вообще трудно, когда зажат с двух сторон. С одной стороны – спецназ, с другой – эти головорезы из Сирии. С ними договориться, может быть, еще труднее, чем с федералами. Пару лет назад, когда война в Сирии еще только начиналась, специальный посланник принес эмиру письмо от улема Омара из Пакистана. Улем Омар считался известным богословом в рядах «Аль-Каиды» и пользовался авторитетом у мусульман-салафитов всего мира. В странном послании говорилось много о необходимости объединить усилия всех мусульман, умеющих держать в руках оружие, для создания большого всемирного халифата, и сообщалось, что одним из первых шагов в создании этого халифата является смена режима в Сирии. А эмир Гаримханов вместе со своим джамаатом зачислен в состав объединенного отряда сирийской оппозиции. То есть улем Омар даже не предлагал эмиру вступить в ряды оппозиции, он просто ставил его в известность, и все.

Далгат Аристотелевич целую ночь потратил на написание ответа. Пока спал посланник улема, ответ был написан. В достаточно резкой и неуважительной форме. Потом он прочитал

его всем моджахедам джамаата и получил общее одобрение. А утром посланник увез ответ, хотя должен был увести за собой джамаат. И только Ваха тогда сказал:

– Ты написал все правильно. Но это был очень неосторожный шаг. Они будут мстить...

Вспоминая слова Вахи, Далгат Аристотелевич думал, не за этим ли прибыл в соседнюю долину такой большой по численности отряд?..

Глава вторая

Так уж получилось, что троих разведчиков банды армейские спецназовцы увидели сразу, а семерых не увидели. Семеро еще за камнями прятались. Передовой дозор взвода состоял из двух автоматчиков и пулеметчика с РПК³. Они столкнулись с бандитами на тропе буквально нос к носу, когда и те и другие выходили с разных сторон большой скалы, заросшей молодыми елками. Здесь уже вопрос жизни решали секунды и обученность сторон. Подготовка у спецназовцев оказалась более высокой. Они шли, заранее готовые к любой неожиданности, к любой встрече, как и полагалось идти передовому дозору, а бандиты даже оружие несли на плечах и никак не ожидали появления в ущелье спецназовцев. И поэтому получился не бой, а простой расстрел бандитов. Им еще дали возможность взять в руки оружие, чтобы убедиться в их намерениях. Но вот взвести затворы уже не позволили и сразу расстреляли. Почти тут же за первой троицей выскочили еще семеро, возмущенные тем, что кто-то посмел здесь стрелять. И сразу попали под обстрел. Но если первых троих расстреляли, что называется, «с пояса», благо дистанция в несколько метров это позволяла, то при появлении семерых стрелять начали уже из-за камней, которых в ущелье хватало с избытком. Четверых уложили сразу. Трое попытались отступить, но удачно брошенная граната «Ф-1» остановила отступление.

Тут к своему авангарду и командир взвода с остальными бойцами подошли.

– Десять человек... Большая, по нынешним временам, банда. Откуда они взялись? – удивился старший лейтенант.

– Мне почему-то кажется, что оттуда... – кивком головы показал пулеметчик, ефрейтор контрактной службы Худонов.

Это было, впрочем, и без подсказки ясно. С неба бандиты, как правило, не падают.

Шах сделал знак рукой, останавливая солдат, а сам пошел глянуть на убитых. У первых троих были с собой документы. У одного – российский паспорт жителя Каспийска, у двоих других – иностранные паспорта. Жители Саудовской Аравии и Иордании. Появление иностранных наемников на российской территории – это всегда серьезный факт, и командир взвода засунул документы убитых в свой планшет.

Поискать документы у следующих семерых Багдасар Давлетбаевич не успел. Краем глаза он уловил движение впереди, дал всем команду и первым упал на землю. Солдаты молниеносно повторили действия командира. И вовремя. Автоматные очереди выбили пыль из скалы рядом с Шахамурзиевым. Стреляли сразу из нескольких автоматов. По звуку Багдасар Давлетбаевич сказал бы, что одновременно использовалось не менее девяти стволов. Это было вообще удивительно, потому что в последние годы даже банда из семи человек, как у эмира Гаримханова, считалась уже большой. Обычно бандиты, понимающие, что большую банду легче найти и легче уничтожить, собирались втроем, изредка – вчетвером. А здесь сначала было десять человек, потом еще столько же или чуть поменьше. Это было уже чрезвычайным обстоятельством, требовавшим активных действий по уничтожению противника.

Взводу не нужно было давать дополнительную команду. Солдаты плотным огнем тут же заставили бандитов спрятаться или отойти, что позволило старшему лейтенанту свободно перебежать с открытого места за камни и вовремя укрыться, потому что сразу за отходом бандиты решили сменить тактику и сделали несколько выстрелов из гранатометов РПГ-7. Стреляли надкалиберными осколочными гранатами, «навесом». Хороших гранатометчиков банда не имела, а для стрельбы «навесом» всегда требуется особый талант, даже из «подствольника». А уж РПГ-7 с его достаточно прицельным боем лучше всего использовать для стрельбы прямой наводкой. Короче говоря, гранаты улетели далеко за спины бойцов взвода, не причинив

³ РПК – ручной пулемет Калашникова.

вреда никому, кроме растительности на склоне хребта. Когда гранатометчики высунулись из-за камней, чтобы попробовать произвести прицельную стрельбу прямой наводкой, их дружно обстреляли и заставили снова спрятаться. Но бандиты тоже сами активизировали своих автоматчиков, и теперь стреляло больше сорока стволов одновременно. Встретить в ущелье такую силу старший лейтенант Шахамурзиев никак не ожидал. Причем сила эта грамотно заняла позицию. Не стала сразу выходить туда, где были уничтожены бойцы их разведки, а остались на сорок метров дальше. Там позиция была значительно удобнее, и не было возможности атаковать иначе, как в лоб, потому что оба крутых склона перед позицией не позволяли совершить обход, а ущелье почти до середины перекрывалось осыпью, и только посередине протекал ручей, который даже камни перекрыть не решились. Так и получилось, что противники застряли друг против друга, понимая, что и атака, и отход одинаково опасны.

Старший лейтенант Шахамурзиев сразу решил позвонить командиру сводного отряда спецназа ГРУ подполковнику Солодовникову, чтобы предупредить о мощной банде и попросить подкрепления. Бой мог затянуться до темноты, и ни одна из сторон, не имея достаточно сил, не могла повернуть его в свою пользу, ни одна не могла выбить с позиций другую. А позиционная война – это совсем не то, для чего требуется использовать спецназ. В такой позиционной войне отличился только снайпер взвода младший сержант контрактной службы Широков. Когда остальные бойцы уже практически прекратили перестрелку, посчитав ее неэффективной и бесполезной, младший сержант все еще лежал между двух камней и, прильнув глазом к оптическому прицелу, выискивал себе цели. Убрав трубку после разговора, старший лейтенант переполз, пользуясь обилием больших камней, на позиции взвода, поближе к снайперу.

– Как успехи, Евгений?

– Главное дело, товарищ старший лейтенант, сделал. С первого выстрела их снайпера «положил». Значит, сам могу безбоязненно постреливать. Стрелял ему в прицел, пуля через него в глаз вошла. Теперь у них винтовка без прицела, и заменить снайпера невозможно. Не из чего будет новому снайперу стрелять. А он долго в «оптику» смотрел. Или меня искал, или вас, товарищ старший лейтенант. Они обычно любят командиров выбирать. Считают, что без командира мы – никто. Теперь уже никого не выберет. А я потом по позиции «пошарил» и еще троих «нашел». Правда, одного, кажется, только ранил. Видел, как к нему сразу несколько человек бросились, а потом спины над камнями мелькали. Перетаскивали. По спинам я стрелять уже не стал. Они в бронежилетах. Пуля по касательной только срикошетит. Целился, правда, одному под мышку, но не успел, он за камень ушел.

– В любом случае – успешная работа, – одобрил командир взвода и торопливо полез в карман за трубкой, которую только что убрал. В обычной обстановке он держал ее в жестком кожаном чехле на поясе, а в боевой обстановке перекладывал во внутренний карман, под бронежилет, ближе в телу, чтобы «виброзвонок» ощущался. В чехле в пылу боя его вполне можно и прозевать.

Багдасару Давлетбаевичу позвонили из оперативного штаба Антитеррористического комитета республики. Видимо, командир сводного отряда спецназа ГРУ доложил о банде напрямую туда и дал номер трубки командира взвода. Долго расспрашивали, уточняли и, похоже, не верили в существование такой большой для нынешних внешне относительно спокойных времен банды. Поверили только тогда, когда Шахамурзиев зачитал данные из паспортов убитых бандитов. Всех троих. И не просто поверили, а активно заинтересовались и пообещали, что в течение часа вылетит вертолет со спецназом внутренних войск, а чуть позже, прямо перед наступлением темноты, прилетит, возможно, «Ночной охотник» и поможет с воздуха. Но вопрос с использованием «Ночного охотника» придется согласовывать с Москвой, с диверсионным управлением ГРУ, поскольку два таких вертолета, базирующиеся на военном аэродроме в Каспийске, приписаны как раз к спецназу ГРУ, и Антитеррористический комитет не имеет права распоряжаться ими по своему усмотрению.

Старшему лейтенанту Шахамурзиеву оставалось только вздохнуть. Бюрократические трюки в Российской армии изживались очень сложно. Тем не менее была надежда. При всех своих заботах, возникших от неожиданного боя, командир взвода не забыл и о трех бойцах, оставленных им по другую сторону хребта в соседнем ущелье, и тщетно, раз за разом, набирал номера каждого из троих. Вежливый и холодный тембр компьютерного синтезатора, изображающего женский голос, сообщал, что абонент или выключил телефон, или находится вне зоны досягаемости. Привычное дело для горных условий. Но Шах продолжал попытки. Только с третьей он сумел связаться с рядовым Солнцевым и узнал о несчастье, произошедшем там. Срочно требовалось попытаться разыскать старшего сержанта Чухонцева, спасти, если его еще можно спасти, или хотя бы найти его тело. Но для этого требовалось выйти из боя. А как выйти из боя, когда противник занял линию обороны и реагирует на любое передвижение спецназа! Значит, из боя можно выйти только после прибытия подкрепления. А пока старший лейтенант позвонил сам в оперативный штаб Антитеррористического комитета, сообщил о случившемся и потребовал срочно вызвать в соседнее ущелье, где ранее обитала банда эмира Гаримханова, спасателей МЧС, по возможности с вооруженной охраной. И только получив обещание, Шахамурзиев успокоился. Хотя снова несколько раз пытался дозвониться и до рядовых Солнцева и Ладушкина, и даже до старшего сержанта Чухонцева. Вдруг старший сержант спасся каким-то самым невероятным образом? Такие случаи в горах бывали. Но связь по-прежнему отсутствовала...

Самым трудным делом в следовании за бандитом была необходимость не отстать от него, не используя свой фонарик. Приходилось совмещать два несовместимых понятия – соблюдать осторожность и торопиться, а это почти то же самое, что совмещение времени и расстояния. Сначала бандит начал удаляться. Но занятия во взводе помогли старшему сержанту. Чтобы облегчить себе передвижение, он представил, будто на глазах у него повязка, как на тренировках, а занятия проходят в бригадном городке на каменной полосе, которую солдаты сами соорудили под командованием своего командира взвода. Это как-то и уверенности добавило, и помогло идти с достаточной скоростью. Более того, Слава Чухонцев почувствовал вдруг, что можно добавить в скорости и догнать бандита, что частично и сделал, хотя по-прежнему сохранял безопасную дистанцию в полтора десятка метров.

Однако и путь теперь стал значительно легче. Камней на самой тропе было меньше. При чем меньше в самой середине, а по краям, наоборот, их количество увеличилось. Похоже было на то, что в какой-то период времени бандиты этой подземной тропой часто пользовались и расчистили ее, чтобы не спотыкаться в темноте. Благое дело, но не учли, что спотыкаться перестанут не только они сами, но и те, кто появится здесь по их душу. А такое учитывать следует всегда.

Скоро свет фонарика впереди исчез. Старший сержант подумал, что там какой-то угол, который скрыл бандита, или боковой проход, в который он повернул, поэтому резко добавил скорости и едва успел, чтобы не потерять преследуемого из вида. Галерея вышла в небольшой по размерам грот, имеющий выход в другую галерею или галереи. По крайней мере, Славе показалось, что в метнувшемся луче фонарика, когда бандит все же споткнулся и чуть не упал, он увидел в стене еще несколько проходов. Но бандит вошел в самый правый. И шел он уверенно, не сомневаясь в правильности своего выбора. Как только старший сержант оказался в галерее, он сразу почувствовал доносящийся откуда-то запах дыма. Галерея шла круто по наклонной линии, и где-то внизу горел костер. Сама галерея исполняла роль печной трубы, образуя тягу для дыма. Значит, второй бандит – сам эмир Далгат Аристотелевич Гаримханов – там, и с первым следовало что-то решать, чтобы не оставаться потом против двух противников, один из которых зовется Волком, следовательно, чрезвычайно опасен. Это, впрочем, никак не говорило о безопасности первого. Но старший сержант контрактной службы не зря служил

в частях, бойцов которых называли «волкодавами». Он как настоящий волкодав не боялся волков и видел в них только врагов, подлежащих уничтожению, больше ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.